

ВОЛНА

ОТ КАЖДАГО ПО СПОСОБНОСТИ
И
КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТИ

ДУХ
РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ
СОЗИДАЮЩІЙ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

ОГЛАВНЕНИЕ.

1—15 Июля 1920 г.

2—Труд и капитал

3—В борьбѣ за Анархію

4—Письмо самоубийцы Эдельштадта

5—О революционном синдикализме

6—Эгоизм

7—Стихотворенія

а) Нищий на бульваре;

б) В заводе;

в) Тьма.

8—Корреспонденціи

а) Наш орган и наши задачи;

б) Ответ Сибирскому;

в) Товарищи;

д) Резолюция К-ой Группы А. К.;

е) В орган «Волна».

9—Финансовый отчет.

15 Июля 1920 г.

Недавно в г. Монреал, Канада, состоялась конвенция представителей А. Ф. Т., которая еще в большей степени, нежели прошлогодня, выразила реакционный характер профессиональных союзов федерации и ясно определила и подтвердила роль предателей рабочего движения, которую с таким успехом выполняют все (за единичными исключениями) вожди чиновники и представители А. Ф. Т.

Собравшись в такой горячий момент, в такое важное для трудовых масс всего мира время, когда по всей Европе идут приготовления и выступления широких народных масс против своих вековых угнетателей и насильников, когда в России, уже почти три года, рабочие и крестьяне терпят огромные лишения, отбиваясь от стаи мировых хищников капитал и власть имущих; собравшись в этот революционный период, представители Американских рабочих, «объединенных» в А. Ф. Т., казалось, должны были бы что то сделать, хоть кое-что предпринять в смысле и направлении освобождения рабочих из-под ига, так тяжело ощущаемого здесь, как и повсюду, из-под невыносимого ига капиталистов и властителей. Казалось, что мировые события, которые всколыхнули все страны, которые пробудились и вывели из оцепенения и спячки, так покорно и терпеливо несших свой «крест», трудящихся, не могли не иметь известного влияния и на рабочие организации «федерации».

Сколько честно мыслящих рабочих ожидали, что настоящая конференция будет символом пробуждения рабочего класса Америки. Сколько узников, томящихся в американских «свободных» тюрьмах, надеялись, что конвенция в лице делегатов, представляющих рабочих, от имени этих рабочих потребует открытия тюрем и освобождения пленников классовой борьбы; и много, много другого, в том же духе, ожидалось от конвенции, еще не вполне разочаровавшимися в деяниях «федерации» рабочими.

Действительно, конвенция не могла обойти молчанием перевороты и текущие события в европейских странах, а так как более решительный переворот произошел в России, так как на долю Русского народа выпали наибольшие тяготы и лишения освободительной борьбы трудового люда, то, вполне естественно, вопрос о России и был поднят, чуть ли не в первую голову.

Одним из делегатов было внесено на обсуждение предложение такого рода: в виду того, что блокада причиняет населению России нечеловеческие страдания, что сотни тысяч женщин и детей мрут, от различных эпидемий в виду недостатка медикаментов, десятки тысяч валяются в могилу что индустрия и железные дороги не могут правильно функционировать за недостатком машин и т. д., в виду всего этого, для помощи России и облегчения народных страданий, блокада должна быть снята.

Кто из честных людей мог бы отказаться поддержать такое гуманное предложение; но продажные души, в лице большинства членов конференции были против и провалили резолюцию о снятии блокады. К стыду этих «представителей» рабочих, многие капиталистические газеты высказались против блокады. Желтая пресса оказалась более радикальной, нежели представители рабочих организаций. Амер. Федер. Труда, устами своих представителей, еще раз подтвердила, что ее действительные цели не благо и освобождение рабочих, а защита современного порядка вещей, при котором ей «чиновники» пользуются известным комфортом и удовольствием, она наглядно показала что гибель миллионов братьев-рабочих в России нисколько не касаются ее, что смерть от истощения десятков тысяч женщин и детей, не вызывают и капли сожаления и сочувствия.

Где ваше чувство человечности г-да делегаты? Где ваше чувство солидарности «свободо-

любимые' рабочие Америки. Неужели все человеческое в вас задохлось в ядовитых испарениях пропаганды Палмера, почему так рабски согнулись ваши спины, по которым гуляет казачья нагайка его приспешников?

Товарищи-рабочие Америки, страхните с себя позор, этой резолюции сотрите постыдное клеймо рабства, возстаньте и разруште организацию, плодами работы которой является измена и массовое предательство рабочих, в руки капитала и власти, сметите с лица земли правительство, порождающее «Палмеров» с его кликой. Смотрите как угодливо «представители» ваших рабочих организаций поддерживают реакционную политику банкиров и капиталистов, ибо и им «перепадает» иногда от стола господ. Смотрите какую солидарность сеют они между нами рабочими, принимая резолюцию не примиримой борьбы с одним большим союзом, организацией, идущей дальше, и принимающей более активные меры к улучшению положения трудящихся. Обратите внимание что правительство выше, всегда и всюду защищает интересы хозяев, вопреки интересам трудящихся.

Недостаток нравственного мужества, полнейшую зависимость всех делегатов от гомперовской «машинки», показал акт голосования за президент федерации, только один делегат, из значительного количества противников Гомперса, имел достаточно гражданского мужества,

встать и прямо и открыто заявить свой протест. Но вообще недовольство усиливается с каждым днем, дух справедливого возмущения растет, и я, уверен что эти резолюции не являются откликом желаний и понятий рядовых рабочих, а лишь политикой вождей и чинов, Самуила Гомперса и его прихлебателей.

Последняя забастовка стрелочников и железнодорожных служащих, нанесла значительный удар реакционной организации. Всеобщая забастовка в Сеатл, Ваш. и другие частичные забастовки в разных отраслях производства и отношение к таковым, А. Ф. Т. ясно и наглядно определили характер ее и показали куда ведут рабочие массы представители и вожди А. Ф. Т.

Глухие раскаты приближающейся Грозы-Революции; раздаются по всей стране, и близится день, когда могучий порыв ветра перед Грозой сметет с лица земли А. Ф. Т. с ее заправками, когда в наступившем затишьи, вслед за порывами ветра, на развалинах отжившей организации построится другая истинно рабочая, свободная от гнили и пошлости, которая поставит себе новые, более широкие цели и в наступившей Грозе осуществит их, уничтожив Капитал и Власть, держащая в тисках рабства все человечество, и в солнечном сиянии народившейся Свободы весело и охотно приступит к водворению на земле Равенства, Братства, Довольства и Счастья.

Труд и капитал

Согласно данным американского Бюро труда, трехлетие (1916—18. гг.) было временем огромного стачечного движения. Так в 1916 г. произошло 3.678 забастовок, в 1917 г. 4233 забастовки, в 1918 г. 3181 забастовка.

Однако величайший подъем забастовочного движения относится к осени 1919 г., когда одновременно бастовали сталелитейные доковые рабочие и углекопы. Больше всего забастовок происходило в одежной, строительной, металлообрабатывающей, шахтерской, текстильной и транспортной индустриях. Следует отметить, что 1917 г. был годом многочисленных забастовок

лесных рабочих, а 1917—18 гг. судостроительных. За тот же период времени собственники орудий производства также неоднократно переходили в наступление. Так число локаутов было: в 1916 г. 108, в 1917 г. 126, и в 1918 г. 104. Отсюда видно, что борьба между трудом и капиталом происходила очень часто; выступление одних и других имели много мест. Причем исходы забастовок были таковы: рабочие победили в 733 забастовках в 1916 г., в 581 в 1917 г. и в 591 в 1918 г.; осталась победа за хозяевами в 724 забастовках в 1916 г., 366 в 1917 г. и в 417 в 1918 г.; кончились взаимными уступка-

ми: 766 забастовок в 1916 г., 679 в 1917 г., 659 в 1918 г. и третейским разбирательством 70 забастовок в 1916 г., 131 в 1917 г. и 198 в 1918 г.

Из таблиц Бюро труда явствует, что забастовочное движение в С. Ш. не носило, как это утверждают, случайных всплесков недовольства в той или другой отрасли промышленности, а носило характер классового движения.

Чего же рабочие добивались во время стачек? Какие требования они выставляли? Что побуждало их решаться на последнее средство — бастовать?

На первом плане стоят экономические требования — увеличение заработной платы. Это требование проходит красной нитью во всех забастовках. На втором плане стоят забастовки за признание юниона, улучшения условий труда и забастовки протеста против приема неюнионных рабочих. Чтобы судить о том, почему рабочие бастовали нам придется воспользоваться еще и другими сведениями и статистическими данными.

Из статических данных министерства труда видно, что заработная плата юнионного рабочего с 1907 по 1918 г. увеличилась на 41%, тогда как цены на предметы потребления поднялись на 205% и что рабочий в сущности получает только (приблизительно) две трети того, что он получал в 1907 г. Таким образом, цены на рабочьи руки понизились, ибо, хотя рабочий и получил прибавку, которая в сущности является только фикцией, он в тоже время не может за свое увеличительное жалованье покупать и того количества продуктов, которое мог покупать в 1907 г. А поэтому статистика говорит, что в С. Штатах 20,000,000 человек «недоедает». А раз недоедает, то стало-быть, они вынуждены искать выхода, чтобы удовлетворить свои насущные потребности и нужды и в первую очередь — неспокойный желудок. Других средств, кроме забастовки или голодовки, у рабочего нет. И когда приходит крайность, рабочие решают испытать забастовку. Это одна сторона медали. Теперь посмотрим на другую.

Бывший председатель рабоче-военной комиссии, существовавшей во время последней вой-

ны, —? Бейсил М. Менли дает нам такая сведения относительно капитала:

В 1917 г. короли разных индустрий получали прибыли, текстильные 1770% фруктовые 2032, мясные 4244, мебельные 9826, угольные 7865, и наконец, стальные 290,999%!

Цифры эти весьма красноречивы. Вот почему 20 миллионов человек не доедает, вот почему рабочие так часто выходят на забастовки. Теперь вы видите, где зарыта собака. Хозяева жизни — плуты, банкиры, спекулянты и т. п. грабители пожинали и пожинают общую жатву тогда, как 20 мил. рабов голодают. И все это называется «благополучием» страны! Когда рабочий стального троста за свой каторжный труд получает доллар в определенный промежуток времени, тогда его хозяин в лице стального троста за тот же период времени за один доллар, отнятый у рабочего, получает 2,909,99 цен.!

Это не шутка, а факт, факт являющийся следствием нынешнего порядка вещей и немудрено, поэтому, что миллионы трудового люда голодают или как выражаются деликатно бюрократы — «не доедают» в то время как ничтожное количество жадных шакалов и хищных акул среди белаго дня грабят этот трудовой народ, концентрируя в руках немногих громадные богатства, добытые как предшествовавшими поколениями, так и ныне живущими трудовыми массами. Богачи бесятся с жиру, а бедняки пухнут с голоду. Такова капиталистическая система такова справедливость капиталистического порядка. Но вакханалия капитализма и власть имущих не может длиться вечно, ибо «ничто не вечно под луною»: все на свете меняется, меняются и люди, когда они решаются заговорить громко человеческим языком и из покорных, безвольных рабов превращаются в строптивых и гордых людей, сознающих в себе достоинства человека. Поэтому всякому рабочему, следует, нужно, необходимо и должно понять, наконец, что доля его, как наемного раба, никогда не делается лучше до тех пор, пока орудия и средства производства будут находиться в частных руках, служа то же самое время орудием угнетения широких трудовых масс ничтожной кучкой паразитов — эксплуататоров или «сильных мира сего»; что ито капитализма и власть иму-

щих будет его давить до тех пор, пока рабочий будет позволять им это делать; что его нужда, страдания, голод и муки будут царствовать до тех пор, пока рабочий будет сносить и терпеть их. Но раз рабочий поймет свою миссию, то всему этому злу, царящему на грешной земле, наступит конец, и чем он скорее поймет, тем лучше будет для него и всего человечества, т. к. мир скорее будет избавлен от излишних мук и страданий. Кроме того, рабочий должен понять и то, что «никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой», что «освобождение рабочих есть дело рук самих рабочих», что ни парламенты, ни социалистические депутаты, выбранные туда и стоящие за реформы, и никакие боги делу не помогут, ибо современное общество нуждается в операции, которую может произвести только опытный хирург — трудовой класс народа в форме социальной революции. Когда ноет гнилой зуб, его вырывают с корнем, так и зло нужно вырвать с корнем, а для этого коренная ломка, разрушение существующего порядка в капиталистической системе и устройство такого общества, основанного на свободе личности, равенстве и братстве, где бы все — орудия и средства производства — принадлежало не нескольким отдельным хищникам, а всем трудящимся. Нужно общественное владение всех средств и орудий производства или комунизация земли, копей, вод, фабрик, заводов, мастерских, железных дорог и вообще всех богатств, созданных как предшествовавшими поколениями, так и создаваемых ныне всеми трудящимися, чтобы каждый получал по своим нуждам или потребностям и давал бы обществу по своим способностям.

В таком новом обществе нищенчества не будет, как в современном, где несчастный рабочий заработает доллар, которым не может прокормиться, тогда как его хозяин ограбляет его на 290,999%! Тут уж нет никакой справедливости, а самый непристойный грабеж. В новом будущем обществе не будет этих хищников — паразитов, потому что все будет принадлежать всем;

не будет ни управляющих ни подчиненных, т. к. некем будет управлять, ибо все будут равными членами этого общества, и они будут самоуправляться. А такое идеальное общество, в котором бы личность могла свободно развиваться, осуществимо через анархический коммунизм, в котором человечество шагает.

Из выше приведенного становится понятным, что ни частичные забастовки, ни социалистические депутаты в парламентах, желающие захвата политической власти. Ни самая высокая заработная плата, как и боги, не избавят рабочих от давящего их ига капитала. Избавление от гнета капитала и власти даст лишь социальная революция, которую приближают народные бедствия, как войны, массовые голодовки или не доедания и т. д. Рабочие начинают прозревать и вскоре они убедятся, что частичные забастовки являясь лишь революционная гимнастика не положат предела злу, ибо нужна одна всеобщая стачка, чтобы добыть себе хлеб и волю и положить конец хищничеству, угнетений, и эксплуатации человека человеком — паразитом. И эта всеобщая забастовка будет началом перехода орудий и средств производства из частных рук — в руки трудящихся масс. Вот почему сильные мира сего так жестоко преследуют всякие радикальные рабочие организации, так подло расправляются с своими противниками и так трепещут перед надвигающейся грозой, одной, всеобщей забастовкой. В ней они чувствуют свою гибель, и поэтому где обманом и разными хитростями, а где жестокими мерами забастовочное и освободительное движение трудящихся подавляется. Но духа протеста против несправедливости и мысли об освобождении им не убить в рабочих никакими репрессиями, не вытравить никакими средствами, ибо, «чем ночь темней, тем ярче звезды», т. е. чем бессмысленнее реакция и чем суровее, тем шире дух солидарности, тем крепче борьба угнетенных, тем глубже ее смысл.

К. Ф. Г.

В борьбу за Анархию

ПАМЯТИ МИХАИЛА РЫБАКА.

Среди первых застрельщиков анархизма, павших в борьбе за свой идеал, одной из сильных и светлых фигур является крестьянин Михаил Рыбак. Трудно себе представить человека более доброго, более преданного товарища, более яркого противника насилия и крови. И в то же время он был способен убивать людей — врагов в борьбе, был способен убить раненого товарища и друга, когда это было нужно. Таков был Михаил Рыбак.

Только среда, в который вырос Михаил, среда, где вечно царят бедность и нужда, где жизнь в тяжелом подневольном труде, а кормятся люди хуже господских собак — только подобная среда могла породить такую натуру.

Михаил Рыбак, крестьянин пограничной деревни (Пригородка, Хотинского уезда, Бессарабской губ.) став социалистом-революционером, взял на себя дело переправы нелегальной литературы. Плохо зная период его жизни в то время, когда он был членом партии с-р-ов, я совсем пропущу эту страницу его жизни. Скажу только, что почти вся нелегальная литература с-р-ов, прежде чем попасть в руки русских организаций, побывала на спине, Михаила Рыбака при переправке через границу.

В 1905 году, как только Николай повелел творить в России всякая «свобода», включительно до телесных наказаний, с-р-ы прекратили ввоз нелегальной литературы и «распустили границу». Тогда граница Михаила Рыбака стала доступной другим организациям. В скором времени ему пришлось познакомиться с анархистами. Их принципы, их отношение к богатым мирое'дам, их тактика пришлись по душе Михаилу, и в начале 1906 года он уже был анархистом.

Уйдя от с-р-ов, он как бы развязал себе руки и горячо принялся за пропаганду среди крестьян, словом и делом нанося удары ближайшим своим врагам — помещикам. Человек по природе умный, смелый в поступках, правдивый, да при том средних лет, он имел большое

влияние на местных крестьян, и вскоре вокруг Михаила Рыбака сгруппировалось их несколько десятков. Рассказывая проезжим товарищам об успехах своей пропаганды, о набегах на помещиков и поджогах их усадеб, он, увлекаясь как юноша, говорил, что скоро они переплетут все деревни Хотинского уезда сетью крестьянских анархических групп.

Весной 1906 года Михаил «проваливается» на границе со 2-ым номером «Буревестника». Спасая себя, ему приходится бросить литературу. Он становится нелегальным, и с этого момента начинается самый бурный период его жизни, как революционера, поневоле совершенно порвав с обыденной жизнью крестьянина, он всецело отдается движению. Всегда с маузером за поясом, Михаил Рыбак, окруженный верными товарищами, не дает жить своим панам. Пылают усадьбы помещиков, раздаются выстрелы при отступлении. Помещиков охватывает сильная паника. Они выписывают ингушей. Полиция предлагает деньги тому, кто поможет арестовать Михаила, устраивает облавы, гоняется за ним по пятам, — а он, отстреливаясь от своих преследователей, подчас скрывался у них на глазах, а потом снова делал вылазки против помещиков.

Нередко ему приходилось на помещичьих лошадях удирать от другой брички, наполненной стражниками. Тогда он садился спиной к лошадям, брал в руки маузер с прикладом и пускал выстрел за выстрелом в сторону полиции. Когда Михаил появлялся в своей деревне, сознательные крестьяне встречали его, как своего героя, гордились им, берегли, словно родного сына.

Придет, бывало, Рыбак в село, а крестьяне уже все на чеку: смотришь, всюду патрули разставлены, — женщины, дети стерегут с разных концов: как-бы полиция не проведала, да не застала врасплох. Вечерами к Михаилу собирались крестьяне для беседований, принося иногда с собой горилки, и тогда кто нибудь из

крестьян прежде чем опорожнить стакан, напутствовал его такими словами: »ну, дай Боже, чтобы еще один пан сгорел«, а другой, обращаясь к Михаилу, подхватывал: »палить хлопцы! пусть горят паны! нехай буде не нам, не панам!«

Часто Михаила вызывали на границу перевозить кого-нибудь, и он сейчас же являлся туда, исполнял необходимое и снова принимался за свои дела. Контрабандист он был незаменимый. Живя с малых лет на границе, он изучил условия до мельчайших подробностей. На этой границе, течет Днестр; по правую сторону реки — Австрия, по левую — Россия. Ночью Михаил сажал своего клиента в лодочку-душегубку; без шума работая веслом, зорко следя за сигналами товарищей, незаметно приставал он к другому берегу. Зимой, когда вся земля и река покрывались белой пеленой снега, Михаил Рыбак приспособлялся к природе: он закутывал себя и других в белые простыни, и таким образом, став незаметным на общем белом фоне, тихо, беззвучно, на глазах у часовых переходил через лед на другую сторону.

В деле Михаил был крайне находчив. Весной 1906 года »шел границу« Владимир Ушаков. Переводил его Рыбак. Три ночи они »брали границу«; русская стража каким-то образом узнала, что кто-то должен идти. Разставили везде »секреты«, учрежден усиленный надзор. Рыбак, его товарищ и Владимир сидели в последнюю ночь на берегу Днестра по склону горы, ожидая сигнала к переправе (на русскую сторону). У Владимира был черный костюм благодаря чему его фигура резко выделялась; другие были одеты под цвет серых скал. Вдруг они услышали шаги. Это были австрийские жандармы. Что делать? Уходить было поздно . . . а Владимир страшно замечен. Рыбак нашелся. Быстро лег он на Владимира и закрыл одним »серяком« и его и себя. Жандармы прошли в нескольких шагах, не заметив тех, кого искали. Много сделал Михаил Рыбак за свою не долгую деятельность анархиста и оставил после себя глубокие следы своей работы.

Помню, год спустя после смерти Михаила однажды ночью под'ехал я со стороны Австрии к

русской границе. Ночь выдалась темная, воровская . . . Еле-еле различал я впереди себя фигуру возницы, который ежеминутно кнутом призывал к порядку свою маленькую крестьянскую лошаденку — ту самую лошаденку, с помощью которой еще Михаил перевозил столько нелегальной литературы и людей. Та, пока свежо было впечатленье от удара кнута, бежала, как хотел ее хозяин, а потом опять забывала и плелась потихоньку.

Вдруг как-то сразу впереди меня небосклон покрылся багровым румянцем. Сначала я подумал что это восходит луна, но через несколько минут чуть не пол — неба стало темнокрасного цвета. Я спросил сидевшего сбоку меня контрабандиста, что это такое. — »Это в России«, ответил он; »наверное товарищи Михаила опять какого-нибудь помещика подпалили«. Проехали еще немного, и пожар стал виден совсем ясно. Там, за холмом, среди огня бурые клубы дыма, словно вырываясь из земли, быстро неслись вверх, придавая картине зловещий вид. Мы разговорились и я не заметил, как мы подоехали к селу. — »Теперь молчите«, сказал мне контрабандист; »здесь надо незаметно проскочить«. Сняли колокольцы. Лошад, пройдя несколько шагов и не слыша звона бубенчиков, рванула и быстро помчалась вдоль пустынной улицы села. »Однако«, подумал я, »у вас и лошадь — контрабандист«.

Среди работы, среди борьбы незаметно прошли у Михаила лето и осень 1906 года; наступал ноябрь месяц, в котором погиб Михаил Рыбак. Задумали они с товарищами одно большое дело, для которого требовалось много оружия. Михаил с двумя товарищами (Исааком Рубенштейном из Каменец-Подольска и »Игнатом-матросом« из Милитополя), поехали за-границу закупить необходимое. Смерть подстерегла их при возвращении домой. Перейдя границу »Потоки« на разсвете, и пробыв до полудня в пограничной деревне, они направились в село Бошкауцы (Бессарабской губернии), намериваясь нанять там лошадей, чтоб доехать до Каменца. Но в какой двор они ни заходили, из хат выскакивали дети или выходили старухи, и говорили, что »никого дома нима«. Оказалось что

в этот день в Башкауцах был сельский сход*), на который ушли все мужики. Товарищи не знали об этом, шли всё дальше и дальше, по дороге спрашивая о подводах — и все ближе и ближе подходили к своей смерти.

Пройдя несколько кривых переулков, они вышли на прямую улицу и невольно на минуту остановились: перед их глазами в двадцати шагах от них, возле волостного правления стояла тысячная толпа крестьян. Крестьяне тоже сразу заметили посторонних людей; товарищи, поняв, что повернуть обратно было бы еще хуже, как бы по уговору двинулись прямо на сход. По мере их приближения, говор схода стал затихать. Вот они поровнялись со сходом; тысячная толпа молча провожает их глазами, а они, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих на сходе, смущенно опустив головы, не глядя по сторонам, проходят дальше. Опасность как будто миновала, собрание осталось позади. Но вдруг как-то сразу резко заговорили. Сход зашумел еще сильнее, от него отделилось несколько крестьян, с криками: «стойте! подождите!»... бросились они вслед за товарищами и задержали их. Привели в волость, допросили, спросили паспорта. Местным властям они показались подозрительными, и они решили отправить их в полицейское правление, находившееся недалеко от волости. Двое сотских повели в полицейское правление мимо огромного барского сада, раскинувшегося напротив волости через улицу. Обогнув сад, сотские остановились возле «криницы» (род колодца). Когда они набирали воду, товарищи выхватили револьверы, и направив их на своих конвоиров, приказали им вернуться обратно. Те, увидав у своих арестантов в руках револьверы, перепугались, и бросились с криком бежать, куда попало. Возвращавшиеся через сад со схода крестьяне, услышав крики, поспешили туда, откуда они раздавались и, увидав бегущих людей, погнались за ними. Товарищи остановились. — «Не подходите ближе, а то будем стрелять!» крикнул крестьянам Михаил Рыбак. «Чего вы гонитесь за нами!», стал говорить Михаил, обращаясь к толпе. «Мы не во-

ры, мы — борцы за народное дело!» — и речь сильная, страстная полилась из уст Рыбака.

Он говорил им, за что боролся, чем он был для народа, сколько страданий перенес он от колыбели до насроящего дня. Крестьяне, увлеченные речью оратора, заслушавшись, заметно подвинулись вперед. В толпе послышались возгласы одобрения. «Цэ свои!», кричит кто-то. «Лишіть, най йдуть собі» («оставте, пусть идут себе!»), кричат другие. А третьи кричали, что это «скубенты», что они хотят убить царя, надо арестовать их. Поднялся спор. Вдруг один из крестьян, подойдя к товарищам, схватил Исаака и стал звать на помощь других. Началось . . . Вот блеснул в руках Михаила кинжал, потом куда-то нырнул и крестьянин, схватившись за живот и крича, закружился. Показалась кровь... Товарищи бросились бежать. Началась погоня-травля. На крики «лови, держи!» — из домов выскакивают люди, бросаясь наперерез бегущим, но, при виде револьверов, поворачивают обратно. Крики, шум, лай собак, плач женщин и детей подняли всех на ноги, и за ними уже гонится чуть не целое село — крестьяне с вилами и топорами в руках. Вот уже товарищи за селом, вдали виднеется лес, до него еще с полверсты. Толпа все ближе и ближе. Товарищи сбрасывают на ходу верхнее платье, чтоб легче было бежать. Разъяренная толпа топчет ногами эту одежду, рвет на куски. Лес уже близко. Перед лесом чернеется яр, только его перейти, и они спасены . . . Но вдруг из леса грянул выстрел, другой, третий. Это стрелял лесничий. Исаак и Игнат, как бы споткнувшись на бегу, падают на землю. Остался один Михаил. Как раненный зверь, заметался он из стороны в сторону. Спасения нет: впереди — лесничий, за спиной и по сторонам — надвигающаяся толпа крестьян с кольями. На минуту он остановился. Потом быстро зарядил револьвер, пристрелил двумя выстрелами еще живого Исаака и стал лихорадочно — быстро стрелять по направлению к толпе. В разгар стрельбы он быстро переводит дуло на себя — выстрел, и, обливаясь кровью, грузно, словно из под ног его выдернули почву, Михаил падает навзничь. Минуту спустя озверевшие крестьяне терзали их трупы . . .

*) Созванный, как передают, по поводу участия в сходе конокрадства.

Это было давно, а крестьяне, знавшие Рыбака, до сих пор не забыли его. Он ярко живет в их памяти и они не хотят верить тому, что это Михаил, а не кто-нибудь другой погиб в тот страшный день. Они убеждены, что жив Рыбак, скрывается неподалеку от них, что наста-

нет день, когда он вернется к своим односельчанам. Народ о нем сложил легенды и когда где-либо случается что-нибудь сильное, мощное, смелое — крестьяне говорят: »то дело Михаила Рыбака«.

Альманах, 1919 г.

Письмо самоубийцы Эдельштадта

(О к о н ч а н и е).

О, я знаю, я знаю вас — »самостоятельные« лицемеры! Вы мирные, спокойные, скажите мне, что такое человеческая нищета? Знаете-ли вы ее и чувствовали ли вы ее, как я? Считаете ли вы слезы несчастных, видели ли вы кровь их ран? Представьте себе, что ваша сестра вынуждена продавать себя на улице, и ваша старая мать моет белье для буржуазной дамы, а отец ваш — чистит ботинки богатого бездельника. Представьте себе отца, ищущего средства для убийства своего ребенка, который еще надится в утробе несчастной матери, потому что для него не находится хлеба и угла в этом огромном мире. Представьте себе, что ваше единственное дитя умирает в душной комнате от недостатка воздуха и питания. Вот оно дрожит пред вами в предсмертных судорогах, его невинные глазки еще смотрят на вас и спрашивают: »За что, за что, отец?«

Можете ли вы себе все это представить? И, если мое сердце не каменное, мог ли я заглушить в себе эту жажду кровавой мести, которая так дико звучит в ваших устах? Но почему же я этого не делал? Почему я не пронзил змеиных сердец тех, которых я признал виновными? Я этого не делал, потому что я сам слабый, как и вы все, разница та, что меня давит, тиранит сознание моего бессилия; и это сознание моего бессилия горит в моем мозгу пылающим огнем и гонит меня в холодную могилу. Вы же, довольные, слабые еще долго останетесь на арене жизни, чтобы играть плачевную роль равнодушных философов, мирных лицемеров и безобидных либералов. Вы также самоубийцы, разница та, что я совершу самоубийство в одну секунду,

вы же постепенно будете убивать в себе все человеческое, тонкое, духовное.

Будничные копеечные заботы всецело вас захватят в свои грязные лапы и вы умрете ничтожными. Что же — печалиться? Нет! Мы уж слишком стары для новой борьбы. Уж сильные, полные жизни борцы становятся в ряды страдающего народа. Я когда то мечтал быть одним из них, нести гордо терновый венец смелого и сильного борца; но все вышло иначе: я жил слишком напряженно. Мое духовное »я« развивалось быстрее, чем я мог доставить для него духовной пищи. Я умер от духовного голода. Мои глаза повсюду с жадностью искали человеческого счастья. Мое сердце голодало, потому что не находило человеческой любви. Все во мне рвалось к жизни, к деятельности, к свету, а кругом — холодно, сонно и темно. Все было омыто слезами. Довольно!

Что будет моим последним словом? — Пусть оно будет — проклятье, трекратное проклятье этому холодному, лицемерному миру, который похитил у меня мои золотые мечты и святые надежды, мое право на жизнь — любовь и наслаждение. Пусть мое последнее слово будет обвинением против опьяненного, загнившего, развращенного общества, которое топчет ногами все человеческое, прекрасное и честное. Нет! Моим последним словом не будет жалоба, потому что жалоба — это удел рабов. Я же всегда своим сердцем и мыслями был детищем победы, свободной великой победы. Мое последнее слово лицемерному миру будет пророчество. Я умираю, но дух свободы — мое единственное утешение — остается в живых. Его вы не сможете

те толкнуть к самоубийству; его вы не можете убить. Он будет жить и вас победит. Он разломит свой пылающий меч у трона власти и ее уничтожит. Он разорвет цепи, которые приковывают миллионы людей к нищете и невыносимым страданиям.

Эта буря уже близко, — и после этой бури придет тихое, мирное, свободное воскресение. Майские цветы образуют живой венок для осво-

божденного человечества. И этот живой венок также упадет на одинокую могилу самоубийцы, ибо он умер, любя свободу и свет солнца! Часы уж бьют 3. Серебристые лучи бледной луны играют на стальной ручке моего револьвера. Не дрожит моя рука. От жизни к смерти — лишь одна секунда жизни.

Перев. с евре. М.

О революционном синдикализме

I.

Синдикалистское и антисиндикалистское направление в нашем движении определилось в борьбе хлебовольцев с чернознаменцами. Все подробности этой борьбы я очень хорошо помню, ибо местом ее была Женева и этот город был тогда центром как чернознаменцев, так и хлебовольцев. У меня есть еще и другое основание помнить эти подробности: как газетой, так и издательской группой «Хлеб и Воля» руководили Л. И-ва и пишущий эти строки (в первые несколько месяцев участвовало еще два товарища, потом они уехали) и удары сыпались, главным образом, на нас. Поэтому я прекрасно помню, на какой почве происходила борьба: можно ли, должно ли вступать в безпартийные организации; может ли анархист вступать в безпартийные организации, — синдикаты, — не противореча анархическим принципам, не изменяя анархической тактике, анархическому идеалу?

Чернознаменцы были убеждены, что вступление в безпартийные организации кроме вреда ничего анархизму принести не может, и высказываясь против вступления в безпартийные профессиональные союзы, они предлагали организовывать чисто анархические синдикаты, наподобие, например, чешских. Хлебовольцы же отстаивали необходимость вступления в безпартийные рабочие организации, ибо в анархических синдикатах пришлось бы иметь дело с «обращенными», т. е. с теми, которые уже пришли к анархизму, следовательно, там для анар-

хической пропаганды не было бы места; кроме того, в такой синдикат могли бы вступать только анархисты, и он был бы не широкой рабочей организацией, а анархической группой или «партией» 1); тогда как двери безпартийной организации широко раскрыты и для совершенно серой массы, благодаря чему безпартийные организации носят характер широких масс. организаций и по количеству рабочих, имеющих в них, всегда будут превосходить партийные организации. Нужно идти туда, где больше серой массы, где больше требуется наша пропаганда, где есть, кого «обращать», приводить к анархизму, тем более, что раз мы массу считаем основным элементом общественного переворота, мы должны первенствующее значение придавать пропаганде и деятельности именно в широкой массе. В этом смысле я и теперь целиком стою на старой хлебовольческой позиции, но, как это видно из моих дальнейших работ, синдикализм для меня далеко не догма.

II.

Моя критика синдикализма, являясь результатом давно продуманной умственной работы, еще больше укрепились, благодаря полемике

1) Мы всегда придавали очень большое значение организации групп и их объединению на федеративных началах, но дело не в этом, а в том, что отстаивая необходимость вступления в безпартийные организации, мы тем самым подчеркивали наше желание участвовать в массовом рабочем движении.

Гиольма и Малотесты, Моната и Бертони, потому что во время этой полемики были высказаны новые мысли, которые, по моему, приводят к пересмотру некоторых старых положений. Эта полемика заставила меня задуматься над тем, над чем я раньше не задумывался, и после долгих исканий и борьбы с самим собою я должен был признать, что сильно переоценивал значение синдикализма; так, напр., я должен был убедиться в том, что синдикаты, как беспартийные организации, будут играть роль фактора общественного переворота не в качестве единого нераздельного организма, т. е. непосредственно, как таковые, а косвенно: представляя из себя среду, в которой неустанная сознательная пропаганда вырабатывает сознательных борцов за лучшее будущее. Раньше я думал, что синдикаты несут в себе зачатки будущего анархического строя; более близкое изучение профессионального движения показало мне, что я заблуждался. Но разве этот вопрос у нас окончательно разрешен? Разве он связан с нашим мировоззрением? Я теперь немного иначе говорю и пишу о так называемом революционном синдикализме, потому что революционный синдикализм значительно изменился к худшему, а слова, по моему, должны соответствовать действительности. Вот почему я не считаю возможным по старому петь дифирамбы революционному синдикализму, раз он этого больше не заслуживает. Изменение профессионального движения к лучшему мы встретили с восторгом, а изменение его к худшему, выразившееся, напр. в усилении централизаций и реформистского настроения, в проявлении узкого корпоратизма и эгоизма 2), мы должны встречать с чувством сожаления. Мы должны бороться как против пережитков прошлого, так и против вновь приобретенных синдикализмом дурных свойств.

III.

Синдикат, говорит Малатеста, развивается по линии, начертанной капитализмом. И действительно, синдикат прежде всего орган борьбы

2), Ко всему этому теперь еще нужно прибавить национализм, которого мы раньше в синдикализме не подозревали.

с капиталистическим строем в рамках капиталистического же строя; синдикат, сказал бы я, есть порождение капитализма; это два явления, связанные между собою как причина и следствие, — исчезает причина, должно исчезнуть и следствие.

Неужели для нас не ясно, что анархическое понятие социальной революции значительно шире и глубже, чем понятие о ней синдикалистов? Неужели не ясно, что сам анархический строй, являющийся результатом ряда революций, гораздо шире, просторнее и вместительнее синдикатов? Общество производителей не есть общество борьбы, и в будущем состав производителей будет иной, чем в современных синдикатах. Общество производителей, которое, как я только что сказал, не есть общество борьбы, а творчества, использует для производительной работы массу таких элементов, которые теперь находятся вне синдикатов и всегда будут находиться вне них.

IV.

Я считал и теперь считаю нужным указывать на то зло, какое приносит нашему движению на западе синдикалистское чиновничество? Оно лишило его лучших пропагандистов и деятелей и дало начало образованию среди рабочего класса злой вредной бюрократии. Я думаю, как Малатеста, Бертони, Винч, Пьерро и многие другие французские и итальянские товарищи, что анархист, занявший платное место во главе беспартийной организации, — человек пропавший для анархизма. И, действительно, все анархисты, за крайне редкими исключениями, занявшие платные секретарские места во главе беспартийных организаций, пропали для анархизма. Примеров сколько угодно: Жуо, теперешний секретарь Конфедерации Труда 3), до своего избрания в секретари был крайним анархистом, а теперь не только бросил анархизм, но даже воюет с ним; Люмулен, бывший сотрудник анархической газеты «Лес Темпс Новвеаух», сделавшись помощником секретаря Конфедерации Труда, бросил анархизм; Пуже тоже, побыв помощником

3) Теперь он кроме того Государственный Комиссар.

секретаря Конфедерации Труда, стал, мало по малу, удаляться от анархизма и потом совершенно бросил его; Дюма, сделавшись секретарем Федерации Портных, бросил анархизм 4); теперешний секретарь Федерации Строительных рабочих, Николе, не только бросил анархизм, но и стал бороться с ним, и т. д. и т. д. Все эти люди были нашими лучшими деятелями и пропагандистами и всех их мы потеряли из-за чиновничества. Не является ли долгом каждого анархиста, увидавшего эту опасность, указать на нее и предостеречь от нея товарищей?

Раз крупные организации без секретаря обойтись не могут, то пусть в секретари идут те, кого секретарство не приводит к ренегатству, а анархисты пусть остаются в массе и работают в самом народе, где их работа производительнее и нужнее; ибо, если мы верим в массовое творчество и по старому считаем, что существует тесная связь между тремя элементами массового творчества — личность, инициативное меньшинство, масса, — то мы должны работать в соответствующем направлении и готовить те элементы, которые будут способны творить с низу вверх, а не наоборот. Или товарищи усомнились в действительности массового творчества и масса стала для них стадом, которое надо вести сверху?

V.

Затем я думаю, что для анархиста никакой другой «изм», как мировоззрение, неприемлем, кроме анархизма; неприемлем для меня и синдикализм, поскольку он есть «изм», т. е. мировоззрение, которое не является анархическим. Одно дело рабочее движение, как факт громадной исторической важности, и другое дело мировоззрение, которое приносится в рабочее среду различными элементами. Если я целиком принимаю рабочее движение, даже с его недостатками, — ибо эти недостатки могут быть устранены и к этому стремится наша пропаганда, — то «изм», какой бы он ни был, раз только он не анархизм, я целиком отвергаю. Я, как анархист, вопроса иначе поставить не могу. Ма-

латеста заявляет, что постольку, поскольку синдикализм является «измом», он не синдикалист; он отрицает за синдикализмом самостоятельную творческую силу и находит, что рабочие и профессиональные организации могут быть социально-революционным фактором, но могут также превратиться в социально-консервативный фактор, смотря по тому, какие силы получают преобладание в них 5). Тот же Малатеста говорит: «нам нужно осуществить нашу анархическую революцию и мы будем осуществлять ее при помощи униионе синдикале (революционно-синдикалистская организация) 6), а если нужно будет, то и против него». Но, прибавляет он, чтобы совершить революцию, нам нужен народ, а потому он советует своим товарищам вступать в синдикаты и работать там, оставаясь всегда анархистами, действуя всегда, как анархисты, во имя анархизма. Насколько мне известно, за такие взгляды никто не объявляет товарища Малатеста антисиндикалистом.

Я вполне солидарен с ним в той оценке, которую он дает революционному синдикализму в своей речи на Амстердамском международном съезде и в своих статьях в газете Волонта.

VI.

Я всегда думал, что мы, анархисты, непримиримые противники централистического принципа организации, а потому считал уместным критиковать централизм и вскрыть ту нелепость, которая кроется в понятии «нецентралистическая централизация»; ибо спутывание двух понятий — централизации и децентрализации — составляет характерную черту того организационного принципа, который в последнее время начинает преобладать в синдикалистских кругах. С одной стороны, говорят синдикалисты, мы должны противопоставить сильно централизованные организации централизованным организациям хозяев, но, с другой стороны, мы, созда-

5) Война показала, что Малатеста был прав.

6) И тут Малатеста прав, поведение Де-Амбриса и его товарищей еще хуже французских синдикалистов. Французские синдикалисты «приняли» войну, а Де-Амбрис и его друзья подстрекают к ней.

4) В последнее время он перекочевал в лагерь объединенных социалистов.

нием интер-синдикальных и районных организаций, обезвредим этот централизм. Насадить зло, а потом бороться против его! Я думаю, что эта своеобразная синдикалистская диалектика для анархистов, которые всегда высказывались против всякой лестничной организации, неприемлема 7).

VII.

Организация не есть цель, а средство. V выяснении целесообразности организации нельзя быть догматиком, — мы не католики, а анархисты. Католик о боге не спорит, а верит в него, мы же на слово не верим никому, мы спорим, изучаем и это приводит нас к убеждению истинности того или другого положения; изучение же безпартийных организаций там, где они проявлялись в наиболее положительной форме, — во Франции, — меня привело к убеждению, что в безпартийных организациях политическая однородность недостижима; это факт, с которым нужно считаться, иначе они не были бы безпартийными организациями; иначе невозможно было бы существование профессиональных союзов. Но это не мешает мне быть горячим сторонником профессиональных организаций: в них группируется значительная часть производителей, затем — она наиболее доступная для рабочего форма организации; а организация массы, собирание сил, необходимы как для осуществления практической солидарности в повседневной борьбе рабочих, так и для всякого рода совместных выступлений. И для меня чем дальше, тем становится яснее, что, в интересах сохранения цельности организаций, рабочей массе, группирующейся в профессиональных союзах, не может быть навязан извне ни один определенный идеал. Безпартийная организация не может быть ни марксистской ни анархической. Если бы, напр., профессиональные организации объявили себя вдруг социалдемократическими, то само собою ясно, что анархистам пришлось бы

уйти из них; то же пришлось бы сделать и социалдемократам, если бы они вдруг объявили себя анархическими. Но если политическая неоднородность профессиональных организаций является обязательной, то они должны представлять собою настоящую лабораторию идей, в которой идейная жизнь бьет ключом. Поэтому именно, в массе производителей мы должны энергичнее, чем где бы то ни было, вести пропаганду наших идей.

Как социалдемократы вербуют в этой массе своих избирателей, так и мы должны вербовать в ней сознательных анархистов. Из этого видно, что в безпартийных синдикатах, хотя они и не являются самостоятельной творческой силой в качестве единой и нераздельной организации, должны сложиться и развиваться элементы социально-революционного творчества; вот где, по моему, кроется, между прочим, великое значение безпартийных организаций. Я глубоко убежден, что безпартийная революция невозможна; скажу еще резче: понятие «безпартийная революция» — нелепость. Борьба в дни освободительного движения должна происходить вокруг определенных идеалов. Поэтому безпартийные организации неминуемо распадутся, когда начнется строительство. Нелепо думать, что за анархический строй будут бороться социалдемократы, или за социалдемократический строй — анархисты; а потому постоянная идейная работа в рабочей среде должна быть рассматриваема, с анархической точки зрения, как наиболее важная задача. Идеология, идейная пропаганда — не пустое слово; эта пропаганда приносит в рабочем движении плоды как нам, так и нашим противникам, в зависимости от того, чем и как она ведется. Если рабочие-анархисты, работающие в профессиональном движении, приобретают adeptов, не надо забывать, что рабочие-социалдемократы, работающие там же, тоже приобретают их. Нельзя говорить вечно о бессознательных рабочих; за десятки и десятки лет неустанной пропаганды и деятельности в рабочей среде образовался известный контингент сознательных рабочих, даже очень сознательных, которые знают, к чему надо стремиться; пока, может быть, их не очень много, но число их постоянно растет. Чем боль-

7) Война показала, что я был прав, когда говорил об опасности, грозящей синдикализму вследствие проникания в него централизации. Профинция ждала от Конфедерации Труда «декрета» чтобы предпринять что нибудь против войны, — ждала разрешения.

ше растет идейная сознательность рабочих, тем яснее и яснее становится их сознательная приверженность к определенным идеалам. Так что в настоящее время не только экономическое положение, но и идеология раскалывает рабочую массу. На это указывают, между прочим, Корнелиссен, Малатеста, Бертони, не говоря о целом ряде ученых, которые занимались исследованием взаимоотношения классов в современном обществе. Идеология приобретает громадное значение: указывание на один только экономический интерес стало уже недостаточным, так как идейный элемент в общественном движении приобретает громадное значение. Люди сознательно стремятся к определенному идеалу, сознательное меньшинство, носитель определенного идеала, «близкого народной душе», увлекает массу за собою. Чем сознательнее стремление к идеалу, чем ярче и определеннее обрисовывается он в умах борцов, чем упорнее и последовательнее ведется борьба за него, тем больше шансов на успех. Как в народной массе не живет только один какой-нибудь идеал, а несколько, так и современных беспартийных организаций тоже живут и развиваются несколько идеалов, порою взаимно друг друга исключаящих. В этой многоидейной массе, не пренебрегая и той, которая находится вне организаций, нам нужно особенно энергично вести пропаганду за наш идеал и следует набирать рабочих и преданных поборников

анархизма. Ибо это и есть та все растущая масса, которой не приходится искать, которая уже имеется налицо, в которой, благодаря нашим усилиям, должно образоваться то революционное меньшинство, которое не допустит, чтобы грядущая социальная революция прошла безследно для анархизма.

К. Оргеани.

ОТ РЕДАКЦИИ. Настоящая статья т. Оргеани была написана им непосредственно до войны для помещения в № 6 «Рабочего Мира» в связи с дискуссией, возникшей в нашей среде по вопросу о революционном синдикализме. Находя именно в настоящий момент возобновление этой дискуссии очень желательным, мы теперь печатаем его статью. Как увидят читатели т. Оргеани, будучи синдикалистом, все таки делает значительные concessions антисиндикализму. Мы в некоторых пунктах расходимся с т. автором выше приведенной статьи, и, в целях развития дискуссии, в след. № выскажемся ясно и определенно по всем затронутым им вопросам.

Рабочее Знамя.

От Редак. Кол. «Волна». Ввиду возникших дискуссий по вопросу о синдикализме, Ред. Кол. нашла нужным поместить данную статью в органе, дабы развить этот вопрос между товарищами более обширно. В следующем номере будет помещен ответ на данную статью.

Эгоизм

Наблюдая жизнь растительного и животного мира, мы видим, что каждая особь, т. е. отдельная единица какого-либо вида, имеет стремление сохранять, продолжать и защищать свою жизнь всеми возможными для нея средствами и действиями. Для лучшей самозащиты и самосохранения, особи, как животного так и растительного царства. Они соединяются в общества, или же действуют отдельно — индивидуально, борясь против губительных воздействий природы (холод, жар, засухи, наводнения и т. д.), а также против единиц, или целых обществ своего, или же иного вида.

Средства самосохранения весьма разнообразны: кора, густой мех, одежда — от холода; листья, гладкая кожа, и зонты — от наляющих лучей солнца; глубокие корни, запруды — от засухи и наводнений и т. д. Как растения, так и животные защищают свою жизнь от других: противным запахом полынь, вонючки, или выделением ядовитых соков — крапива, пчелы, гадюки, или же колючими отростками — татарник, шиповник, ежи, ликообразы, или же своей физической силой; и лишь высшие животные силой разума.

Оставив растительный мир в стороне, как

первую ступень развития, перейдем к более современному миру животному и его крайне левому прогрессивному крылу, выдвинувшемуся вперед, обособившемуся благодаря более успешному развитию своих мозговых отправлений, своего интеллекта, человека — людям.

У всех животных, в особенности у человека, все чувства, способы и действия в видах самозащиты и самосохранения, передаваясь из поколения в поколения в течении тысяч и миллионов лет, в конце концов образовали как бы бессознательную привычку, к известного рода чувствам, средствам и действиям, способствующим сохранению и успешному ходу жизни индивида, каковую привычку мы и называем **инстинктом самосохранения**.

В настоящем случае нас более всего интересует животное по имени — человек; его то мы и будем разматривать в дальнейшем.

Начнем с самого рождения. Появившись на свет ребенок безсилен физически, но стремясь жить он действует на мать и окружающих людей своим криком, а потом и улыбкой, требуя необходимого; и странное дело, не смотря на свою кажущуюся беспомощность, добивается того, что все его нужды и потребности, т. е. все что нужно для сохранения его жизни, должны быть удовлетворены. В дальнейшей жизни, ребенок заявляет притязания на все что доступно его взгляду и, наверное, считает себя в праве взять и пользоваться всем, чем ему здумается не считаясь с окружающим. Он чувствует только себя, свою жизнь и действует только в видах своего блага, своего желания и он бессознательно вполне эгоистичен во всех своих проявлениях. Затем начинается знакомство с окружающей его средой, знакомство с предметами; и посредством наделенных ему от природы чувств: обоняния, осязания, зрения, слуха и вкуса. Получается запас впечатлений на мозги, что одно воняет — другое пахнет, то колется, обжигает, холодит — другое нет, боль в первом случае — нет ее в другом, одно гладко, кругло, блестяще, — и может быть приятно, а другое шершаво, уродливо, тускло, невзрачно и может быть не приятно, этот звук мягок, приятен — тот резок и не приятен, приятное ощущение в одном случае, и неприличное, отвратительное в другом.

Но нарушая самостоятельное, предметное познание в жизни ребенка врывается воспитание; насильственно и грубо внушают что то плохое для него и должно быть ему не приятно, а то хорошее и должно быть приятно, внушают посредством живого личного примера, слова печати и т. д. Ощущения воспитанника могут быть не согласны, могут быть даже противоположны мудрости внушения, но ему долбят в голову, что так должно быть, а не иначе.

Ум и разумок ребенка еще слабы, все принимается на веру, без критики. Этот период воспитания является самым критическим в жизни человека, ибо внушения, полученные им в детстве налагает свое клеймо, запечатлеваются в его мозгах на всю жизнь и направляют его деятельность в ту или иную сторону.

Проходит детство и наступает юность. Ум юноши или девушки, получив изрядный запас впечатлений и внушений (знаний), начинает блуждать, метаться по всем направлениям в поисках путей и средств к самоудовлетворению, к счастью, т. е. к такому состоянию, в котором получается наибольшее количество непрерывных, приятных ощущений. Ощущения же острые, жажда жизни велика, безгранична и юность, открыто и ликующе, приглашает все человечество на великое пиршество жизни, ибо ей приятнее веселые довольные лица кругом нея, нежели хмурые, озабоченные.

Но сталкиваясь с действительностью, пыл ее фантазий охлаждается, то и дело обдаётся холодным душем жизненного опыта, недостатков и пороков современного общества, то и дело встречает она препятствия на своем пути, и впервые начинает сознавать, ясно и отчетливо, что общество с его установленными порядками и традициями, есть ее враг, враг сильный в своей неподвижности, требующий, что бы вступающий в его среду плясал под определенную дудку, поступал согласно его — общества зазону, а не так как думалось и желалось бы юности.

В это время колебаний приходит на помощь разумок, и человек начинает разчитывать по какому пути ему будет удобнее дойти до, еще смутно определившегося, идеала довольства и счастья по пути уступок и соглашений с волей

общества, или вопреки таковой. Этот период и является как бы переходной ступенью от инстинкта самосохранения (бессознательного эгоизма) к эгоизму сознательному, тому эгоизму, о котором мы и будем говорить в дальнейшем.

Эгоизм — слово не русское, и употребляется в русском языке в смысле «себялюбие», т. е. любовь к самому себе, к своему собственному Я. Что же такое любовь в общем смысле? А это такое чувство, которое вас понуждает делать все возможное для благополучия, на которое оно направлено. В самом деле, когда вы любите какую-нибудь вещь, вам желательно, чтобы она попала в «ваши» руки. Для того, чтобы «вы» могли пользоваться ей, заботиться о ней, делая ее еще более приятной и милой для «ваших» чувств, вы ухаживаете, чистите, ставите ее на видное место, любуетесь ей и надоедаете окружающих вас похвалами любимой вами вещи. То же самое происходит, когда вы любите какое-либо живое существо: Вы всеми силами стараетесь, чтобы оно могло сохранить, даже улучшить приятное, удовлетворяющее «ваши» чувства, состояние; Котам навязываете ленточки на шею, красивые ошейники — собакам, серьги, ожерелья, кольца и красивую одежду — человеку, чтобы удовлетворить «ваше» чувство зрения; чистите, моете, внушаете чистоплотные привычки, понуждаете любимые существа чиститься и мыться — ради удовлетворения «вашего» зрения, осязания и обоняния; желаете, чтобы их голос был гармоничен, т. е. приятен для «вашего» слуха.

Когда вы любите себя, то по отношению к себе вы проделываете те же самые приемы, прилагаете такую же заботу и попечения о своей собственной личности. Но когда вы любите предмет неодушевленный или одушевленный и выражаете это соответственными поступками и действиями прямой заботой о «вашем собственном» благе, в целях «вашего личного» благополучия и удовлетворения, следствием любви к себе?

На этот вопрос я отвечаю утвердительно, я говорю, что во всех проявлениях любви к другим, сквозит радение о своем личном Я, забота о собственном довольстве; украшая вещь или животное, (включая и двуногое), вы стараетесь

сделать их приятными, не для кого-либо, а для «себя», вам желательно, чтобы предмет вашей любви был чист лишь потому, что приятно «вам» пользоваться или созерцать его чистым, заботясь о их благе; вы имеете в виду свое личное благополучие. Значит и любите-то вы, что либо или кого-либо только ради самих себя, из любви к себе, из сознательного эгоизма.

Я говорю о любви в общих чертах, ибо в половой любви еще ярче выступает по всей наготы полный, необузданный эгоизм, эгоизм зверский, часто разрывающий все оковы наложенные на него воспитанием. Иногда в предмете вашей любви нет и капли достоинств, нужных и приятных вам, но все же вы любите его, ибо вашим воображением вы награждаете таковой всеми качествами и свойствами, приписывая ему или ей все что ищете, одним словом создаете все что «вам» нужно и приятно, что вас удовлетворяет.

Суммируя вышесказанное в предидущих строках, я вполне вправе заключить, что человек в любви к другим проявляет лишь себя, или говоря иначе, эгоизм, иногда чисто животного качества, в большинстве же случаев значительно смягченный внушениями воспитания. Чувство противоположное любви есть ненависть. Любя себя, вы стремитесь бессознательно или сознательно защитить, предохранить себя от всего нежелательного, неприятного или вредного «вашей» особе; к предметам, на которые вы смотрите как на вредные, у вас появляются нежелание иметь что-либо общее, стремление отстроиться от них. Но если условия жизни сталкивают вас с таковыми предметами все чаще и чаще, неприязнь усиливается и переходит в ненависть, все ваши чувства возмущаются даже при мысли иметь что-бы общее с ненавистным предметом и желая защитить «свою» особу вы готовы, разбить, сломать, уничтожить, убить таковой. И все для того, чтобы предохранить себя, от кажущегося или действительного, вреда, из любви к себе, из эгоизма.

До сих пор мы брали крайности; коснемся теперь и других чувств, хотя по моему все остальные чувства суть осколки двух уже упомянутых, любви и ненависти, и потому подходят и относятся к одной и той же категории. Часто

приходится слышать о жалости, «милосердии» как говорит писание, этом у блюдке любви и сентиментальности; массу поступков и отношений представляют следствием жалости, и потому нельзя обойти ее молчанием. Для иллюстрации, большей ясности возьмем пару примеров: зимой, в трескучий мороз, идя по улице, вы видите полуодетого, дрожащего от холода человека, его страдания сообщаются вам, и, после минутного раздумя, вы скидываете свое пальто или шубу и отдаете зябнущему; или же, видите вы слабого, жилаго человека, кряхтящего под непосильной ношей, и вы берете эту ношу на свои плечи, а он радостно и облегченно шествует рядом с вами. Вас будут уверять, да и сами вы склонны думать, что как в первом так и во втором случае вы сделали поступок из жалости к другому, «своему ближнему», но не осуждая ни того, ни другого поступка, я беру на себя смелость утверждать, что эти акты доброты и милосердия, были лишь следствием жалости, любви к себе. Вид страданий «вашего ближнего», вам было труднее перенести, нежели свою собственную боль, вам было легче зябнуть самому, нежели видеть другого мерзнувшим от холода, «вам» было физически тяжело под ношей другого; но вы испытывали облегчение нравственное, ибо охи его и стоны были болезненнее для «вас», нежели взваленная на плечи ноша. Если же бы вы не отдали своей шубы или пальто, если бы вы не взяли на себя ноши, то это показало бы что муки замерзающего вам было легче видеть и перенести, нежели свои собственные, что вид изнывающего под непосильной ношей, не так был чувствителен, как ноша на собственном горбу.

Все время, сознавая или не сознавая этого, вы любя собственные интересы, собственное благополучие и довольство, вы совершили поступок, который в настоящем случае был для вас легче или казался вам легче, который был или казался более полезным и нужным для вашей особы. Все окружающее действует и влияет на нас и наши поступки есть ничто иное как равнодействующая двух сил: внешнего давления, влияния так называемой среды, и нашего внутреннего Я, нашего эгоизма.

А что окружающее или «среда», оказывает

на нас значительное влияние, помимо и вопреки нашей воли, не может быть ни малейших сомнений; и единственное средство, исход, чтобы не стать рабом этой «среды», не быть всецело втянутым в ее грязь, — это против поставив ей, этой внешней силе, свою силу воли, свое чувство самосохранения, свой эгоизм.

Будучи эгоистом, любя себя, человек не будет унижать свое Я, свое личное достоинство, не может молча позволять ежедневно грабить себя, не может переносить унижения и оскорбления, которым подвергает его настоящее общественное устройство, а заявляет свой протест словом или действием, сообразно его натуре, его воспитанию — его природным или же «внушенным» свойствам. Я эгоист и если у меня не достает сил бороться, если я не выхожу в открытое поле борьбы с насильственной формой общества настоящего и его учреждений, подавляющих, разрушающих и развращающих все, что есть хорошего, светлого и прекрасного в моей личности и миллионах других, это не значит что я побежден, ибо для меня, любящего себя, признать себя побежденным, сдаться, сложить оружие равносильно смерти, духовной смерти, неизмеримо ужаснейшей физической, телесной.

Когда я не считаюсь с силами противника, не в состоянии переносить долее гнета насильников, встаю и громко протестую, когда исполнители воли настоящего общества, осилив меня, мучат и издеваются; даже тогда я не признаю себя побежденным, а снова собираю свои силы, восстанавливаю свою мощь, что бы при первом удобном случае вступить в бой с врагом — насильником и поразить его окончательно. От любви к себе зависит мое упорство, сила моего сопротивления, чем сильнее мой эгоизм — тем обширней моя мощь.

Выйдя победителем, одолев темные силы врага, разрушив преграды на пути к свободе, довольству и счастью, буду ли я также угнетать, помыкать и издеваться над побежденными, сделавшись господином положения превращу ли я их в безправных рабов? Здоровый смысл говорит мне, что счастье и свобода мои будут не прочны, как непрочны они у господ и властителей настоящего времени; горьким опытом убедился я, что раб и угнетенный не может быть

доволен своим положением, а будет изыскивать пути и средства избавиться от угнетения, страхнуть с своей шеи ярмо постыдного рабства.

Разум мой доказывает, что эта сомнительная прочность моего покоя и довольства будет омрачать мое счастье, и заботы сохранить и охранять его, окончательно убьют его. Не лучше ли протянуть руку побежденному, пригласить его в сотрудничество в великой работе созидании новой жизни на новых началах солидарности, свободы, равенства и братства. Ища справедливости, как могу я быть не справедливым сам? Как много чувства, какие пышные слова.

Разобравшись детальнее, в своих чувствах и побуждениях я нахожу, что хочу я быть справедливым и великодушным лишь только ради своего покоя, ибо довольство побежденного — самая верная гарантия ненарушимости и прочности моего довольства, его счастье приятно мне и пополняет мое собственное, ибо здоровая личность не может наслаждаться муками и страданиями других, как не может она быть и равнодушна к таковым. Я хочу как можно больше счастья, я не хочу что бы что-нибудь омрачало его, и потому всегда и всюду передо мной стоят великия, мудрые слова, основа моего покоя и счастья: »не делай другому того, что не желаешь себе.«

Я эгоист. Но я не одн на белом свете, а кругом сотни, тысячи, миллионы таких же эгоистов, и волей не волей, там, где интересы мои соприкасаются, или же входят в область другой личности, мой эгоизм встречает противодействие в эгоизме другого и ради собственного блага я смягчаю, ограничиваю свое Я.

Эгоизм свойствен каждому человеку, и его формы и проявления всецело зависят от воспитания, которое может продолжаться целую жизнь.

Иные формы эгоизма, некрасивы, неприятны и вредны массе людей, соприкасающимся с таковыми; это такие формы, когда личное благо и довольство толчет, ломает и лезет поверх блага и счастья других личностей, и, для собственного удовлетворения, лишает довольства и наслаждений жизнью всех окружающих. Это животный эгоизм, эгоизм пещерного жителя, безчеловечный и жестокий и имя ему: монарх, пре-

зидент, судья, банкир, фабрикант, купец и прочие чины и лица, утвердившиеся в своем выгодном положении, благодаря лжи, обману и насилию; ничего не производящие сами, а потребляющие наилучшее, всеми силами стараются сохранить и упрочить свое господство и привилегии, на трупах и костях миллионов тружеников созидаящие свое благополучие.

Эгоизм подобного рода нам известен по личному опыту и о нем мы довольно слышали и читали и по сие время испытываем его проявления на своих горбах.

Единственно, чему можно удивляться как может продолжаться небольшая сравнительно банда паразитов — тунеядцев и до сих пор »водит за нос« огромную массу трудящихся рабов — производителей, и за брошенную кость и крохи со стола »своего«, сделанного, убранного и обслуживаемого теми же рабами, претендует еще на благодарность с их стороны? Наглость и нахальство одной стороны возмутительны, но рабская покорность и терпение возмутительны также!

Поговорим лучше о другом эгоизме, об эгоизме личностей, которые преследуя свое личное счастье, видят и неразрывно связывают такое с благами и счастьем всех окружающих их, которые убеждены, что их личное благо не может быть достигнуто помимо блага других. Эти высшие формы эгоизма (называйте их альтруизмом, гуманностью, справедливостью и т. д.) и лежат в основе идеи будущего общества, в котором мы надеемся достичь наибольшего и наиболее полного счастья, когда отдельной личности предоставится свобода и возможность развивать и усовершенствовать все лучшие стороны своей натуры, воспитывать все добрые качества, которые полезны как самому индивиду, так и всему обществу.

Все добрые, т. е. полезные поступки будут одобряться и поощряться, всеми людьми, приходящими в соприкосновение с данной личностью, а дурные, т. е. вредные порицаться и даже преграждаться. Первые будут прививаться внушаться и развиваться, а вторые — искореняться.

Современный общественный строй вредно действует на мое Я, лишает меня довольства и

счастья, насаждает во мне и кругом меня разврат и пороки, порождает бедствия, нищету и лишения; это устройство общества держит меня и огромную массу других личностей, в рабстве угнетении и невежестве, и я встаю против него и его учреждений насилия, обмана и лжи, стремлюсь разрушить его, уничтожить его настоящий облик, и на развалинах старого, отжившего, создать новый, живой и прекрасный строй жизни, в котором не будет препятствий к достижению возможного довольства и счастья.

Чем эгоистичен человек, чем более любит он себя, тем глубже и полнее старается он определить приятность и полезность во всех проявлениях жизни, тем напряженнее его деятельность, направленная к осуществлению своего блага, своей пользы, своего личного счастья. Серьезно раз задумавшись над этой задачей, человек в положении угнетаемого и эксплуатируемого не видит почти никакой возможности выхода из унижительного круга нищеты и лишений, не может иметь и тени надежды пробраться в «стан праздно ликующих», наслаждающихся благами жизни, кроме одного исхода — борьбы, в которую и отдает все свои силы в надежде рано или поздно поразить врагов, хищников — грабителей, капиталистов и властителей.

Сознательный рабочий — сознательный эгоист, но ему также известно, что его личное благо недостижимо без блага его сотоварищей рабов, что осуществление блага и счастья всех поработенных, даст довольство и счастье ему. На этой почве и возникает чувство солидарности между сознательными рабочими, которое есть ничто иное, как общность их мнений и стремлений.

Вот почему я и приветствую эгоизм, эгоизм сознательного труженика, как самый мощный двигатель в нашей борьбе за освобождение от всех зол и пут современного общества, связывающих нас физически и духовно. Вот почему я против людей, которые приходят в наши ряды и лицемерно говорят, что принимают участие в революционной работе из жалости, сострадания или милосердия к нам, я скажу таковым: или вы ждете сами себе, не разбираясь в своих чувствах и поступках, или же ждете нахально нам,

нося зародыши в душе своей обмана и предательства.

Я не верю в милосердие, я отрицаю сострадание, я противник жалости! Уроки истории и жизненный опыт огненными буквами начертали в уме моем слова: «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих». Мое дело есть мое личное, и потому прочь незаинтересованные, которые в моем деле не видят своего дела!

Я не благодарю за добро сделанное мне, ибо не хочу благодарности за добро, которое я делаю; я знаю откуда оно исходит, и знаю, что делающий добро уже достаточно награжден тем, что делание добра его удовлетворяет. Не кротостью и смирением встречу я зло, а противопоставлю ему всю мою мощь и не допущу его, если я в силах, и в случае необходимости за зло отплачу злом, на удар отвечу ударом; злом еще большим, ударом сильнеешим, дабы навсегда покончить со злом, что бы унять самое жаждающее делания зла.

Мне все равно из каких побуждений исходят поступки по отношению ко мне, я оцениваю их как полезные или вредные и реагирую на них соответственно. Какое мне дело до чувств руководящих человеком, который бьет, сечет или в какой либо другой форме наказывает меня, ибо мне одинаково больно; какая разница если поморочит мне голову, затемняет мой разум, руководясь верою и любовью, или же наживой, и теплым местечком, ведь мне это все равно вредно, и я говорю попы и их религиозный дурман есть зло, которое нужно уничтожить; не все ли равно, из любви, равнодушия или неприязни мои воспитатели или же окружающее меня общество развивали или развивают в дурную сторону мои природные свойства; как воспитатели так и общество мои враги, ибо они делают мне вред — зло.

По делам по поступкам сужу я о человеке или же обществе — по отношению ко мне и всему, что меня касается. Инстинкт самосохранения, а в сознательную пору нашей жизни — эгоизм во всех его проявлениях руководит нашими чувствами и поступками. Но наши поступки, исходя из эгоизма, бывают двух родов: противобщественный, животный инстинкт самосохранения.

нения, когда не вполне сознательное и обдуманное стремление к личному благу, губит благо других, и не может быть по этому удовлетворено; и 2: общественный, сознательный эгоизм, когда личное благо тесно соединено и обосновано на довольстве и счастье других личностей.

Сознательный эгоизм, полно продумавший все разнообразны взаимоотношения людей, ясно и отчетливо определивший все побуждения — направляющие нас в ту или иную сторону, является противником настоящего общества на том лишь основании, что это общество не дает и не может дать ничего ни ему и ни людям, веред которых он принужден вращаться. Он порицает и стремится разрушить все учреждения и институты эксплуатации, насилия и порабощения; но как говорится: »один в поле не воин«; и его разум, разум сознательного эгоиста, в целях освобождения от ига экономического и духовного рабства, приводит и доказывает необ-

ходимость соединить свои силы с себе подобными угнетенными и недовольными.

В союзах, ассоциациях людей — эгоистов, основанных на общности интересов и стремлений, на общности мнений по насущным вопросам — на взаимной солидарности, и находит сознательный эгоист более широкое поле для удовлетворения своей потребности в активной работе, по разрушению всех преград, на пути к свободе и счастью, по подготовке нового светлого, полного жизни общества будущего.

»Дух разрушающий есть дух созидующий«.

Иностранец.

От ре. кол. — Ред. Кол. С вышеприведенной статьей не вполне согласна. В следующем номере на эту статью будет дан ответ. Ред. Кол. просит всех желающих товарищей высказаться по этому вопросу на страницах нашего органа.

Редакция.

Стихотворения

НИЩИЙ НА БУЛЬВАРЕ.

Вдоль по улице широкой,
Где сверкает чудный свет,
Нищий старости глубокой
В тряпки рваный одет,
Обездоленный судьбою, —
Жертва жизненных невзгод,
С угнетенною судьбою
Еле движется вперед.
Струны трогает гитары
Дряхлой старческой рукой,
Воспевает мемуары,
Жизни девы пресвятой.
Разноцветный свет сияет,
Озаряет мрак ночной
И бульвар весь наполняет
Редкой в мире красотой.
Там пьют чашей золотою
Счастье жизни господ
И пустою суетою
Занимаются всегда,
Но нико не замечает

На бульваре старика
И не видят, как терзает
Доля злая бедняка.
Горем, скорбью убитый,
Тяжко страдающий весь век,
Жизнью горькою разбитый,
Жалкий, бедный человек.
Плачет горькими слезами,
Весь от холода дрожит
И усталыми глазами
На презренный мир глядит.
Люди сытые резвятся,
Беззаботно жизнь ведут:
Днем и ночью веселятся,
Как в раю весь век живут.
Но когда к ним простирает
Руки тот кто обнищал
И к их совести взывает,
Что-бы кто-нибудь подал
Хоть копейку ради бога
На насущный хлеб ему,
То кричат из-за порога:
»Не даем мы никому!«

Я в поте лица трудился
И богатство создавал;
Богу искренно молился,
Все законы соблюдал . . .
А теперь . . . я старый, нищий —
Он соскорбью говорит
— Без одежды и без нищи
Принужден суму носить.
Бога ради, помогите —!
Он сквозь слезы вопиет
— Я голоден накормите!
Бог за это вас спасет.
Но напрасны горьки слезы
И молитвы старика,
Все спокойно у трапезы
За бутылкой коньяка
Пьют, едят и веселятся;
Без заботы день и ночь
И на нищаго косятся,
Говоря: »пошел ты прочь.«

Рус. Крестьянин.

В ЗАВОДЕ.

В недрах шумного завода
За станком своим стою,
Угнетенного народа
Песнь я жалобно пою,
И усталую рукою
Я строчу карандашем,
Как над бедною толпою
В грязном здании большом
Дым густыми облаками
Каждый долгий день висит
И, труда за верстаками,
Время тяжкое лежит.
Темноту, мрак и холод,
Непосильный, грязный труд,
Постоянный острый голод
Переносит бедный люд.
Летом солнышко пригреет,
Словно птичка запоет,
А рабочий люд потеет,
До бессилья устает.
Жены, дети голодают
Всех рабочих бедняков
И, как мухи, умирают
Без уютных уголков.

Каждый труженик в заводе
Рок суровый свой клянет
И мечтает о свободе,
Что она . . . она придет.
И всю жизнь он так проводит,
Предаваясь мечтам,
Но свобода не приходит
К тем железным воротам,
Где наивными мечтами
Обольщаются рабы
И залотку все руками
Не берут своей судьбы.

Рус. Крестьянин.

Т Ъ М А .

Жизнь горька среди безумных
И жестоких палачей
И пирушек диких, шумных
Потерявших честь людей.
Всюду пусто безмятежно,
Тьма крошечная царит,
Только сердце безнадежно
Ярким пламенем горит:
Ищет счастья, вдохновенья,
Правды истинной святой,
Ищет полного забвенья
В жизни праведной простой.
Но напрасны все надежды,
Постоянные мечты
Веселятся лишь невежды
Средь безумной суеты,
В мире скорби и печали
Обездоленных рабов,
Постоянных вакханалий
Злых вампиров и тузов.
Вихром помиру гуляет
Кровожадный капитал;
Он свободу попирает
И священный идеал.
Озверевший враг смеется,
Что за братство и любовь,
Как вода повсюду льется
Человеческая кровь.
Ты зачем, творец вселенной,
Скверный мир такой создал,
Жизни радостной, блаженной
Ты рабам своим не дал?

Что-же молчишь, земли создатель
И зачем ты допустил,
Чтобы силою предатель
Жизни счастье захватил?
Ты молчишь, не отвечаешь,

Ты боишься отвечать,
Потому что сам ты знаешь,
Что в сем мире правды нет.

Рус. Крестьянин.

Кореспонденции

НАШ ОРГАН И НАШИ ЗАДАЧИ.

Одним из наиболее важных и вместе с тем »наболевших« до сих пор для нас вопросов был, несомненно, вопрос об издании нами анархического органа. Вопрос этот, разумеется, не новый; он не раз уже поднимался и не раз послужил предметом горячих споров и дискуссий среди товарищей. Но только теперь, с изданием »Волны« он отчасти уже решен. Я говорю отчасти, но не окончательно решен, ибо окончательно, полному решению этого вопроса мешают много причин, из которых я укажу только на некоторые, на главные.

Прежде всего: 1-ое) недостаток в хороших интеллигентных силах, плохо влияющих, таким образом, на дело издания и редактирования органа; 2-ое) условия цензуры, воспрепятствующие всяким изданиям анархистов; 3-ее) все более и более проявляющаяся среди некоторой части наших товарищей — »союзовцев«, склонность к безпартийным течениям и т. д.

Но все эти причины, я думаю, можно легко обойти; оне вполне устранимы. Я думаю при наличности имеющихся у нас сил и дельном участии многих сочувствующих нам товарищей, мы в состоянии издавать, если не еженедельный, то в всяком случае ежемесячный орган. Если современная цензура и действующие против нас, анархистов, законы воспрепятствуют легальным анархическим изданиям, то у нас есть нелегальный путь. И с изданием нелегального органа, который, не боясь, писал бы все открыто и правдиво, мы могли бы внести больше толка и больше ясности в тот хаос, в тот беспорядок идей и разсуждений, который существует у нас насчет многих наболевших вопросов. Но и помимо самого издания анархического орга-

на, осуществление которого является, нашей первой и важной задачей, мы должны приступить к осуществлению и не менее важной задачи — к организации наших разбросанных сил. Словом, мы должны сделать то главное, то необходимое, что должно быть сделано в настоящее время.

Мы переживаем время, когда открытое и правдивое слово должно быть услышано во что бы то ни стало. Мы стоим перед лицом самых важных, чут-ли не мировых событий в Европе вообще, и в России, в частности, а с другой — »прекращение« войны, — заставляют нас хорошенько прислушиваться к голосу трудящихся масс, выступивших на борьбу за свое освобождение. Перед нами целый ряд вопросов и задач, властно требующих ответа или разрешения; перед нами много вопросов, по которым необходимо высказать то или иное отношение.

Возьмем для примера вопрос о нашем отношении к большевикам. Уже сколько раз говорилось и писалось об этом вопросе, но до сих пор еще трудно указать на ясное, определенное и выдержанное решение его именно с нашей стороны. Такое же »невыработанное« отношение существует среди нас и по отношению к третьему интернационалу и вообще к целому ряду других, не менее важных вопросов. И по всем этим вопросам мы должны сказать свое анархическое слово. Но как сказать? Как ответить на волнующие нас всех вопросы?

С проведением закона против анархистов и с усилением, главным образом, реакции в стране, для нас создается исключительное положение: с одной стороны, условия времени не позволяют нам работать открыто, легально, а с другой — начинает все сильнее и сильнее обнаруживаться желание работать, желание что-

нибудь сделать. И приходится выбрать одно из двух: либо обречь себя на вынужденное молчание, на бездеятельность, либо — уйти в подполье и работать нелегально. Мы по необходимости должны выбрать второй путь. Путь этот, понятно, не легкий, а, наоборот, очень, трудный и отважный, ибо слишком много препятствий на нем, но за то он есть верный и единственный путь в развитии нашего движения. Не следует забывать того, что настоящее анархическое слово, не смотря на неоднократные попытки по изданию анархической литературы, еще не раздавалось среди русской рабочей массы в Америке. Мировоззрение анархизма вообще, его теория и тактика еще недостаточно и не вполне знакомы этой массе. Необходимо, поэтому, пробить себе дорогу, образовать и упрочить первые анархические группы. Задача, признаться, не легкая. Нам придется бороться с массой окружающих нас неблагоприятных условий и, в первую голову, с противодействием и влиянием противных анархизму течений. Но необходимо приложить все старания, напечь все силы для создания и организации таких групп. Ибо после всего, русский анархизм в Америке почти не знал периода таких небольших групп или кружков, занятых тихой подготовительной работой. Разумеется, что при нынешнем состоянии нашего движения в этой стране (я имею в виду работу некоторых союзов), при всех его недостатках и слабых, «больных» местах, мы не с' умеем создать широкого анархического движения. Сейчас, в данный момент, эта задача нам совершенно не по силам. Да и не следует, по моему мнению, стремиться к этому: наше движение в этой стране должно развиваться и расти, главным образом, вглубь, а невширь.

В то время, как для наших товарищей в России поставлен вопрос о создании массового, широкого анархического движения; в то время, как они пытаются разрешить одну из труднейших своих задач — практическое осуществление своих анархических идей, — для нас, живущих и оставшихся здесь, стоит более скромная задача — организовать небольшие анархические группы. Все равно: останемся ли мы здесь на долгое или короткое время, или вер-

немся обратно в Россию, — учиться необходимо нам всегда и везде! Мы должны учиться, развиваться и, по возможности, учить других. И одной из главных своих задач мы должны поставить — теоретическую подготовку хороших работников.

Но такая задача не по силам одной какой-либо группе. Только напряженная работа, настойчивые усилия и энергия всех анархических групп в состоянии разрешить такую задачу. Как бы сильна ни была та или иная местная группа, ей может удасться повести «хорошо» работу в своей местности лишь только на время, ибо оградить себя так наз. китайской стеной от всего движения она не в состоянии. И, рано или поздно, все неурядицы такой работы тормозящим и дезорганизующим образом окажутся на всем нашем движении. Перед нами, таким образом, встает необходимость самым коренным образом переустроить нашу работу, разрешить все «наболевшие» вопросы, исправить по возможности все недостатки и начать работу на новых, более экономных и плодотворных началах. Нам необходимо об'единить, с'организовать свои анархические силы. Нам, наконец, необходимо создать — Федерацию Анархических Групп.

Липин.

От Ред. Кол. — По независящим от нас причинам, данная статья помещается с опозданием.

ОТВЕТ СИБИРСКОМУ.

Несколько времени тому назад, в «Голос Труженика», № 94, была помещена статья под заголовком: «С кем они борются?», автором которой является, Я. Сибирский. В этой статье, где так много написано, но ничего не доказано, Я. Сибирский утверждает, что журнал «Волна» издается «какими-то» личностями и никем не контролируется, и рекомендует Союзам Р. Р. следить за таковыми, выражая опасение, что их может постигнуть та-же участь, как и «Новомирцев»; высказывая мнение, что какая-то кучка «человеконенавистников» засела «там» и редактирует журнал. О, наивная невинность, младенческое неведение, Я. Сибирского, как вы заблуждаетесь, в каком одиночестве невежест-

ва вы пребываете! Знаете-ли вы что «Волна» начала выходить в свет не от имени С. Р. Р., а от имени группы Анархо-Коммунистов, которые и контролируют журнал, без «ведома» Я. Сибирского? Дальше, Я. Сибирский указывает, что в одном из номеров «Волна» помещена статья Ю. Европейского, место которой было уделено в отделе свободной трибуны и в которой отвечает на статью, помещенную в Г. Труженика № 78-ой. Ю. Европейский, как показывает его статья, при внимательном прочтении, не забрасывал грязью всех И. Р. Мира как партию или течение, а только выражал то, что он чувствовал, что показывали ему его убеждения, (мы не ставим своей задачей защиту его, ибо он сам в состоянии отстоять свои убеждения и взгляды), и как он понимал смысл вашей статьи; но вы, Я. Сибирский, хотя и называете себя «революционером» и защитником принципов ИРМ., позволили себе облить грязными помоями ваших измышлений организации более революционные идущие в освободительном движении дальше и глубже, нежели ИРМ., вы осмелились назвать безкорыстных тружеников в нашей борьбе за Свободу и Равенство «человеконенавистниками». Слышали-ли вы, хоть одного честного Анархиста-Коммуниста, подобное выражение по отношению к революционерам? Уверяем, что нет! Надеемся, что вы обладаете еще достаточным пониманием для того, что бы знать значение и содержание отделов журналов и газет, помещенных «Свободная трибуна». Никакая организация, или группа, не поручала Ю. Европейскому говорить и писать от ее имени, и в статье было выражено его личное мнение; требовать ответа посредством печати, или как вам угодно, можно только от него, но ни-чуть не вмешивать какую-бы то ни-было, партию или группу революционеров поддерживающих и защищающих принципы А. Ком. По этому мы, группа А. Ком., собравшихся и обсудив ваше «выступление», требуем посредством печати, что бы вы звали, брошенное вами слово «человеконенавистничество», обратно, и поняли всю неуместность и необоснованность своих нападок.

**Группа Анархо-Коммунистов
г. Детройта, № 3.**

ТОВАРИЩИ.

После сильного промчавшагося урагана реакций, где все было уничтожено, каждый из нас болел сердцем о тех безчеловечных расправах, которые творила Американская реакция по отношению к рабочим организациям уничтожая везде и всюду всякие зародыши, но рабочие у которых развит энтузиазм и жажда к свободе не увлеклись Литаргической спячкой Американских рабочих; не устрасил их реакционный поход Палмера.

В то время когда реакция праздновала тризну победы и от удовольствия разливала фимиами победителям, не считали себя побежденными, и как перед грозной бурей наступает затишье, предвещая грозу так рабочие собрав свои силы, с новой энергией бросились на борьбу со старыми отжившими формами, очищая путь к новой светлой жизни для всего человечества, путь к равенству, свободе и полному развитию индивидуальных черт свободной личности. Сила эта группируется во круг нашего А. К. органа «Волна», считаясь с ее трудностями по изданию и распространению, прочитав отчет в 4-ом мы заключили что временными пожертвованиями мы не сможем обеспечить его дальнейшего существования, по этому мы предлагаем товарищам которым дорога идея Анархо-Коммунизма и дело революционной печати ассигновать свой ежемесячный однодневный заработок на его издание что упрочит дальнейшее его существование увеличит размер, не увеличивая цены на стоимость его. При сем прилагаем наш однодневный за Июнь М. заработок П. М. 5.13 цен., М. Д. 5.13 цен.

Ваши за А. К. гор «Б».

РЕЗОЛЮЦИЯ К-ОЙ ГРУППЫ А. К.

Дорогие товарищи. Мы, группа А. К. № 3, на первом своем деловом собрании обсудив вопрос об отношении нашем к органу Ф. А. К. «Волна», пришли к добровольному соглашению всецело присоединиться к таковому который является выразителем А. К. идей для дальнейшего и прочного его существования мы обязуемся поддерживать таковой морально и по силе возможно-

сти материально. Надеюсь что таковой будет придерживаться принципа А. К., дабы повести человечество по правильному пути к полному освобождению от ига власти, государства и религии. Мы выражаем свою преданность к органу »Волна« при помощи которого у нас является возможность, выражать наши мысли и пути борьбы за полное освобождение. Мы призываем всех обездоленных труженников последовать нашему примеру, — организовывать повсеместно Анархо-Коммунистические Группы. И стать под знамя Анархизма, которому вбудущем предстоит осчастливить весь род человеческий.

С тов. при. гр. А. К. № 3.

Товарищи прочитав »Волна«, которая является органом непосредственной борьбы рабочих за освобождение всего трудящего пролетариата от старого мира, и ведет его на путь к новой светлой жизни, братства, свободы и всеобщего равенства, мы, группа товарищей, из своего скудного заработка решили пожертвовать: — № 1-ый 2.— дол., 2-ой 60 ц.

С тов. при. А. К. Гор. А-он.

Конференция Пи-аго района состоявшаяся 30-го Мая 1920 года, обсудив вопрос по отношению к органу Федер. А. К. группы вынесли следующую резолюцию:

Мы, приветствуем »Волну« как единственный А. К. орган в Америке; считаем своим товарищеским долгом поддерживать таковой во всех его отношениях, содействовать морально так и материально. Мы обращаемся ко всем сознательным товарищам, которым дороги идеи Анархо-Коммунизма, содействовать распространению идей безгосударственного коммунизма. Наша цель напечь все свои силы к тому что-бы наш орган был сильным рабочим органом в Америке, долг каждого и всякого рабочего приложить все свои усилия, дабы орган »Волна« проникал вове части Америки где лишь обитают трудящиеся массы.

Мы рекомендуем С. Р. Р. № 25 прекратить свою политику имеющую место в среде союза по отношению к нашему органу и приняться за более активную и совместную деятельность к

широкому оповещению наших идей, создания групп которые бы явились авангардом в борьбе со всеми проявлениями ныне существующего строя.

Вперед! за дело товарищи! пусть знают враги народа что не задавить им нашего движения, ни тюрьмами, ни пытками.

С тов. при. за А. К.

В ОРГАН »ВОЛНА«.

В настоящее время, когда мировые события меняются с молниеносной быстротой. Когда революционная волна, с каждым днем захватывает все больше и больше стран. И может быть в самом ближайшем будущем, нам придется принять активное участие, в открытом бою против буржуазного правопорядка. И дабы революция прошла с большим успехом, нам не обходимо углублять и расширять идеи безгосударственного коммунизма, среди труженников полей и фабрик. И признавая что »Волна« именно и ставит себе таковую цель.

Мы, 1-ая группа А. К., Г. Н. Н. Д., на последнем собрании пришли к следующему заключению: признаем »Волну« своим органом и будем поддерживать его как морально так и материально. — Предлагаем другим товарищам последовать нашему примеру. Будем собирать наши разбросанные силы в одну великую армию борцов за А. К. Только солидарность есть залог нашей победы. Будем поддерживать и распространять выше-названный орган, как чисто рабочий орган освещающий путь к светлому будущему; где не будет ни бедных ни богатых, ни правителей ни управляемых. Где все человечество устроит свое общежитие на принципах свободного соглашения. Мы, выше-названная группа, посылаем в пользу »Волны« 50 дол. и желаем сотрудникам ея, успеха в нашей общей борьбе против рабства, капитала, власти и религии.

Смерть буржуазному строю!

Да здравствует Анархический-Коммунизм!

С тов. прив. группа А. К., Г. Н. Н. Д.

Финансовый отчет

Добровольные пожертвования из К-нд.

По 3 дол.: за Но. 0615, 0616. По 2 дол.: за Но. 0609, 0610, 0617, 0618, 0619. По 1 дол.: за Но. 0601, 0602, 0604, 0605, 0607, 0608, 0611, 0612, 0613, 0614, 0620, 0621, 0622, 0625, 0628, 0629, 0630, 0631, 0632, 0633, 0634, 0635, 0636, 0639, 0640, 0641, 0642, 0644. По 50 ц.: за Но. 0603, 0623, 0624, 0637, 0643, 0606. По 25 цент.: за Но. 0626, 0627.

Примечание: Общая сумма по выше указанным ННо. имеется помещена в № 5 «Волна» там было указано что таковые из Карн., Па., нужно читать из К-д.

Поступило добровольных пожертвований.

От СРР. г. А. чрез тов. Ф. 7.50; в счет фин. с'зда 9.30; Тоже 3.80; от ГАК., Г. Н. Н. Д. 50 дол.; Виржинский 25.—; А. К. 5.—; из Н. Г. К. 25.—; С. Р. Р. 2-Д. 40.—; от Федерац. СРР. 100.—; П-рг район А. К. 125.—; из Ю-ун по чековой книж.: за Но. 6701 8.19; за 6702 5.—; за 6703 5.—; за 6704 5.—; за 6705 27.—; за 6706 50.—.

Из Д. по чековой книж.: по 2 дол. Но. 1020, 1019; по 1 дол. 85 цент.: Но 1025; по 1 дол 40 цент.: Но. 1001; по 1 дол. 15 цент.: Но 1029; по 1 дол. за Но. 1026, 1024, 1015, 1014, 1007, 1006, 1003, 1002; по 75 цент.: за Но. 1027; по 50 цент.: за Но. 1004, 1028, 1023, 1022, 1021, 1018, 1017, 1016, 1013, 1012, 1011, 1010, 1008;

М. Буа., 1005; по 25 цент.: за Но. 1009; из К-нд А. К. 30.—; Н. К. 30.—; разные 10.26.

Примечание: Выше указанный список пожертвованный, также повторяется в общем кассовом отчете с 1-го мая по 1-ое июля.

Кассовый отчет Федерации А. К. Г. с 1-го Мая по 1-ое Июля 1920 года.

ПРИХОД:

Оставалось в кассе на 1-ое Мая	_____ \$	67.51
Выручено за журнал »В« Д.	_____	15.—
»		35.55
»		7.50
»		31.20
»		4.15
»		11.30
» тов. К.		30.—
» »		22.50
» А-н		9.—
» Д.		4.95
» »		4.50
» Д. Гру. 2		3.—
» Гру. 3.		11.25
» П1рг. Ц.		50.—
» Д. Гру. 5		41.40
» К-нд		45.30
» Д.		89.50
» Д.		9.30
» Д. Гру. 2		12.60
» К-нд		29.74

Итого . . . **467.74**

Поступило добровольных пожертвований.

Гам. К.	47.60
А-ши Ве-В	28.—
Чеков. книж. от Но. 908 до 949	31.45
» Но. 101 до 120	18.—
» Но. 601 до 616	20.85
» Но. 225 до 233	12.75
Поступило от Д. Гру. 3	10.—
» Лан.	25.—
» неизвестного	25.—
» Групп	10.—
» Гру. 3	16.75
» Гру. 2	19.09
» М. М.	5.—
» З. чрез Ж.	1.—
» Асс. Т. Д.	100.—
» Из К-ы	54.—
» Из У-ны Д.	306.—
» Из Тор. К.	37.—
» Из Тор. К.	3.—
Чек. кн. от Но. 701 до 800	16.50
» с кассы	1.07
Ирна?	25.—
От лиги защ. П. З. Н. I.	100.—
В каре	2.—
От Гру. Чест. П.	25.—
Т-о-ж-е	33.—
От Гру. Г. Фил.	75.—
Из Дона П.	95.—
Куприянец	1.—
От гр. 5 Д. от Но. 1401 до 1434	21.90
От Гру. Гар.	10.—
От Гр. Латыш. Гр. Н. I.	10.—
По под. листу 75	11.50
Из К-нд	49.50
От Гру. 2 Д. от Но. 617 до 626 и от Но. 950 до 955 I	15.50
От Гру. Д. от Но. 1301 до 1312	8.40
От С. Р. Р. А-н	7.50
У-ны Д.	301.—
На с'езде П. П.	11.—
От Гру. Н. Г. Кон.	25.—
Из Дж. Па.	10.05
Собрано на с'езде	9.30
Т-о-ж-е	3.80
От Г. А. К., Г. Н. Н. Д.	50.—
Виржинский	25.—
А. К.	5.—

Из Н. Г. Кон.	25.—
От С. Р. Р. 2	40.—
Из Д. чек. кни. от Но. 1001 до 1029	24.21
От Федерации Сз. Н. I.	100.—
От Гру. П-рг район	125.—
Ю-н от Но. 6701 до 6706	100.—
Из К-нд	76.26
Выручено за литературу	56.46

Итого прихода . . . **2794.69**

РАСХОД:

По изданию журнала Но. 4 и 5	611.72
По распространению	192.65
Печат. летучек	172.—
Печат. чековых книжек	30.—
Делегатские и лект. расх.	374.60
Дорожные билеты делегата	111.24
Печата, резолю. с'зда	7.50
Возвращено долга кк.	58.—
Мелкия расходы	7.42

Итого расхода . . . **1565.13**

Итого прихода	2794.69
Итого расхода	1565.13
Остается в кассе на 1-ое Июля 1920,	1229.56

Проверено и принято ревизионной комиссией.

Отчет казначея Ф. С. Р. С. Ш. и К. с 15-го Авг.

1919 года по 7-ое Ноября 1919 года.

ПРИХОД:

От вре. секретаря	1278.30
От бывшего кзз-я	1146.66
От секретаря	4502.02

Итого . . . **6926.98**

РАСХОД:

На бумагу для книг	281.01
На залог тов. А-ры	1000.00
Набор и печать книг	400.—
На журнал Х. и В.	500.—
На уплату книг	500.—

На ведение дел. Фед.	300.—	На пересылку Х. и В.	10.—
На бу-гу для изд. книг	500.—	Временному секр.	1400.—
Итого ...	3481.01	Итого ...	2473.50
Приходу ...	6926.98	На 10-ое Апреля осталось в кассе ...	3085.11
Расходу ...	3481.01		

В кассе ост-ось на 8-ое Нояб. ... **3445.97**

С 1-го декоб. 1919 года по 9-ое Апреля 1919 г.

Приход времен. секретаря.

Оставшаяся сумма передана временному казначею проверено комиссией на все расходы имеются оправдательные документы.

Рев-ая ко-ия Казначей { И. Г., б.
И. Д., к.
М. Б., к.
Б. В., п.

По .длнст в день печ. № 322	4.05
За литературу	63.—
Т-о-ы-е	136.43
Тоже от М-ча	40.—
От 2 Союза Нь-рка	29.17
От Казначей	1400.—
Итого ...	1672.65

РАСХОД:

Приход с 8-го Нояб. 1919 года по 1-го Декоб. 1919 года.

Приход временного казначей.

От казначей	3400.—
От Б. чек.	45.95
От Б. Монеи ордер	93.64
За лог за А-ры	1000.—
За лог за Б-нку	1019.—
Итого ...	5558.61

РАСХОД:

Куш-ву	10.—
Монеи ордер недействи	25.—
Постарой Фед. Оро-му	131.—
Одв-ту по делу 3 т. С. К. Б.	110.—
Вторьму Петрашко	30.50
На лит-ру Куш-ву	97.—
На 38 Набор. Х. и В.	45.—
Помещ-я для собрания	5.—
Амер. одной Группе	200.—
Возвращен долг Пи-ву	100.—
» Р-ку	100.—
» Б-ну	100.—
» Б-нову	50.—
Ад-ту в Глестер	25.—

Перевозка набора макая	5.—
Пересылка Х. и В.	1.—
Поезд. в бричп. Нью Гев.	5.—
Для переп. книг	15.—
Выдано В. В.	5.—
За перевозку книг	13.20
Почтовый ящик	2.50
Залог для гола	10.—
Возв. долга Г-ву	25.—
За хранения литер.	6.25
За склад для литер.	10.—
Почтовые расходы	1.20
Амер. Извест. займообра.	300.—
Поезда в провинцию	98.—
На прощальный клич	100.—
Почтовые расходы	15.—
На поезд. в бричпорт	5.—
Поезда слупком	3.60
Выданы М. Д.	10.—
Ему же зваймооб.	50.—
Комиссии по литер.	100.—
Возв. долг в Ньюкестл	200.—
» Ко-ну	20.—
» Л-ку	25.—
2 Сою. Ньюорка зваймооб.	55.—
Помещ. для собр.	2.—
Переплетчику за книги	23.—
По счету переплет. Ор-ой	27.—

Комиссии по литер.	250.—	»	З-в	50.—
На «Волну»	150.—	»	Б-ш	10.—
		»	С. Р. Р. М-т	75.—
Итого ...	1532.75	На поездку Т. П-ва		100.—
Приходу ...	1672.65	За корректуру макая В. В.		20.—
Расходу ...	1532.75	Через П. в. пол. Волна		42.98
		Протоколы конф.		5.—
Осталось ...	139.90	Пересылка Волны		—75
		Почтовые расходы		2.51
		Комиссии по литературе		300.—

Приход секретаря

с 9-го Апреля по 19-ое Июля 1920 г.

Под. лист в день печ. № 312	3.40
От Лат. Гру. в пол. Вол.	10.—
От С. Р. Р. П. Н. за Х. и В.	8.98
От Гуся лист в день пе № 466	1.10
С. Р. Р. Н. I. за вол. и клич.	7.50
От М-ча литер. фонда	60.—
От Н. I. за Волну	4.50
От М. Д. за клич	2.—
От Гру. Ге-сон в пол. Вол.	10.—
От М. долг	20.—
От М. тоже	10.—
От Буд. за литер.	7.50
От грибок за литер.	1.56
От М. за Волну	8.60
От М. долг	10.—
От М. за Волну	1.50
От Буд. за оВлну	7.50
От Казначей	610.—
Итого ...	784.14

РАСХОД:

Возвращен долг К-ву	75.—
» Ос-ку	30.—
» М-ц	25.—
» Л-к	25.—

Итого ... **761.24**Приход ... **784.14**Расход ... **761.24**На 20-го Июля осталось ... **22.90**

Общий приход с 8-го Ноября 1919 года.

По 19-ое Июля 1920 г. равняется ..	6005.40
За этот период расхода	3507.39
Осталось в кассе ...	2498.01
Следует от М-ки	99.90
На 20-ое Июля в кассе	2597.91

Ревизионная комиссия { И. Г., б.
И. Д., к.
М. Б., к.

1. Примечание: Из выше указанной суммы следует организациям и отдельным товарищам 1085.00, которые были даны взаимоотносно Федерации.

2. Следует за издания книги Макай Б-ре 1000.—.

Секретар.

